

ЕСТЬ МУЗЫКА НАД НАМИ

Курьезы. — 1998. — 24 сентября. — с. 33.

Войдя в битком набитый представителями всевозможных СМИ зал, Мстислав Леопольдович попросил "друзей, дам и господ" простить его опоздание и объяснил:

— С артистами всегда случаются казусы, вот и сейчас не обошлось. Когда я приехал, меня спросили, где я собираюсь ждать Одзаву — в вестибюле или наверху. Я, естественно, решил ждать внизу, чтобы ему не пришлось подниматься. И в результате я минут пятнадцать его ждал... А он в это время ждал меня наверху.

Японский дирижер Сейджи Одзава, занимающий ныне должность музыкального руководителя Бостонского симфонического оркестра, честно признался:

— Каждый раз, когда я думаю о великом Славе, у меня слезы наворачиваются на глаза. И я чувствую себя необычайно счастливым, потому что стал музыкантом и благодаря этому мы встретились. Я не знаю русского языка, хотя отец моей жены — русский, и, значит, в жилах моих детей течет четверть русской крови. Но пусть я не могу говорить по-русски, я все равно научился понимать чувства и настроение русских людей. А музыка вообще не требует никакого перевода, она сама по себе есть универсальное средство общения.

С творческой деятельностью Сейджи Одзавы хоть немного, но знакомы даже те, кто никогда не проявлял повышенного интереса к классической музыке. Не надо быть меломаном, чтобы вспомнить церемонию открытия Олимпиады в Нагано — благо телевидение приобщило к этому десятки миллио-

Мстислав Ростропович снова посетил Москву. При всех потрясениях, кризисах и множестве неопределенностей подтверждаются лишь давние слова Осипа Мандельштама: "Но, видит Бог, есть музыка над нами..." Правда, количество проблем, с которыми пришлось столкнуться при организации российско-японского культурного моста "От сердца к сердцу", сам Ростропович охарактеризовал как невероятное. И на их фоне милый казус перед началом большой пресс-конференции показался всего лишь трогательным напоминанием о том, что маэстро вновь находится на своей исторической родине — в нашей стране чудес.

нов человек. Именно Одзава дирижировал оркестром, исполнявшим оду "К радости" Бетховена вместе с хорами на четырех континентах, объединенных с помощью спутниковой связи. А Бостонским оркестром он руководит уже 25 лет, что для Америки — рекорд.

Воздавая должное столь долголетней преданности, авторитетная "Музыкальная Америка" даже назвала его "Музыкантом 1998 года".

— Мы познакомились в 1967 году в Торонто, — поведал Мстислав Ростропович. — Он был тогда чрезвычайно молод, я — постарше. Надо сказать, что я сначала отнесся к нему скептически, но после концерта был просто потрясен. Я приехал в Москву и сказал Шостаковичу: "Запомните это имя — Сейджи Одзава. Его еще не раз доведется услышать". Как я отношусь к нему сейчас? Когда-то Шостакович спросил меня, как я поступлю, если во время концерта из публики в меня бросят камнем, но не попадут — остановлю концерт или продолжу играть. И я сказал, что, конечно,

продолжу. "И правильно, — заметил Шостакович, — мы все — солдаты музыки". Так вот я хотел бы сказать, что Сейджи Одзава — это великий солдат музыки. Мы дружим много лет и рады сейчас показать с помощью музыки — самого мистического из всех искусств, — как мы друг друга любим.

Никто не знает ответа на вопрос, почему люди выбирают музыку главным делом своей жизни. Или это музыка выбирает людей? Старая пословица гласит, что любая армия хорошо сражается за две вещи — за родину и за деньги. У самых прославленных, конечно, денежные вопросы решаются легче, но до славы надо дожить. Что заставляет держаться, когда кажется, что сил уже нет ни капли? Воистину музыка — самое мистическое искусство...

Словно желая продолжить тему, Мстислав Ростропович и Сейджи Одзава выбрали для программы "От сердца к сердцу" среди иных замечательных произведений "Военный реквием" Бенджамина Бриттена.

— Бриттен посвятил это со-

чинение памяти своих четырех друзей, погибших во время Второй мировой войны, и в ткань сочинения помимо традиционного латинского текста заупокойной службы ввел диалог двух солдат, убивших друг друга на этой войне, — рассказывает Ростропович. — Этот уникальный реквием был задуман как протест против бессмысленности войны и как символ примирения народов, в ней участвовавших... Бриттен не случайно ввел в свою партитуру два оркестра. В этом отражены две сферы его произведения: большой оркестр, сопрано и хор исполняют традиционный реквием, а на этом обобщенном фоне разворачивается конкретная человеческая драма, и ее герои — тенор и баритон, два солдата — поют в сопровождении камерного оркестра. Два оркестра — это два разных мира, поэтому исполнение "Военного реквиема" под управлением одного дирижера кажется мне совершенно неправильным. Это нарушение авторской воли, авторского замысла. И роль камерного оркестра здесь не менее, а может быть, даже более важна и значительна.

Сам Бриттен всегда дирижировал именно камерным оркестром.

В Москве при исполнении самого великого, по словам Дмитрия Шостаковича, произведения XX века камерным оркестром управлял Сейджи Одзава. И, наверное, музыка "прощения, примирения и надежды" — единственное, что может по-настоящему осветить финал нашего века, века страданий и потрясений.

Ольга Шамо.

Фото ИТАР-ТАСС.